

Джеймс Хэдли
Чейз

РЕПОРТЕР

Джеймс Чейз

Репортер

«Азбука-Аттикус»

1966

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Репортер / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус», 1966

ISBN 978-5-389-18200-4

В настоящее издание включены романы Дж. Х. Чейза «Свобода – опасная вещь» и «Репортер», которые отчасти выбиваются из привычного для автора жанра «крутого детектива», но ничуть не уступают остальным произведениям мастера в динамичности сюжета и увлекательности. В центре повествования оказываются сын известного кинопродюсера Джей Дилейни, погруженный в странные фантазии и изнемогающий в тени отцовской славы, а также вполне успешный и одаренный фотограф Вэл Кейд; их внешне благополучная жизнь неожиданно сходит с накатанной колеи в результате неодолимых обстоятельств...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18200-4

© Чейз Д. Х., 1966
© Азбука-Аттикус, 1966

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Джеймс Хэдли Чейз

Репортер

© Н. Ф. Роговская, перевод, 2020

© М. В. Тарасов, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Глава первая

Когда самолет описывал круг над Истонвиллом, Кейд обратил внимание на пелену дыма, скрывающую северную часть города. Он понимал, что положение здесь серьезное, но не предполагал, что до такой степени. Страх, который не покидал его за все время трехчасового полета, резко усилился. Ладони стали липкими, удары сердца замедлились и сделались болезненными. Он вдруг ощутил непреодолимую потребность снова выпить.

Наконец загорелось табло, призывающее пристегнуть ремень безопасности и потушить сигарету. Кейд не стал просить дополнительной выпивки: все равно стюардесса ее уже не принесет, так как самолет готовится к посадке. К тому же Кейд понимал, что стюардесса намаялась с ним за время полета. В общей сложности она принесла ему восемь двойных порций виски, и для этого ей всякий раз нужно было идти из одного конца салона самолета в другой. Кейда одолевало все большее беспокойство. Его нервы были напряжены, но он знал, что теперь придется ждать алкоголя до тех пор, пока самолет не приземлится.

В салоне, кроме него, находилось еще двое пассажиров. Ситуация в Истонвилле была такой, что туда отправлялись только те, кому это действительно было крайне необходимо.

Примерно двадцать пассажиров, летевших этим же рейсом из Нью-Йорка, покинули самолет в Атланте, а эти двое мужчин, наоборот, сели на борт. Высокие, мускулистые парни с багровыми лицами, одетые в широкополые шляпы и пыльные городские костюмы, сидели позади Кейда, в двух рядах от него. Кейд чувствовал себя неуютно, слушая их негромкие комментарии, когда стюардесса ходила ему за виски. Теперь, когда самолет начал снижаться, один из них сказал:

– Смотри, Джек, видишь тот дым? Похоже, мы вернулись как раз вовремя, чтобы поселиться.

– Черномазые ублюдки, – проворчал другой. – Надеюсь, они сейчас там поджариваются.

Кейд вздрогнул и взглянул на свою потрепанную сумку с надписью «Pan Am», стоящую на соседнем сиденье. В ней лежали фотоаппарат и прочее оборудование. Кейд предусмотрительно не взял с собой футляр для камеры. Было бы форменным сумасшествием отправиться в такой беспокойный город, как Истонвилл, демонстративно показывая всем и каждому, что он собирается фотографировать.

– Думаешь, Национальная гвардия уже прибыла? – спросил мужчина, которого звали Джек.

Его собеседник рассмеялся:

– Нет, насколько я знаю Фреда. Чтобы эти молокососы испортили нам все веселье? Он не допустит этого, пока его не припрут к стенке.

– Может, какой-нибудь ниггер успел настучать наверх?

– Фред контролирует все исходящие звонки. Он сказал, что позаботится об этом, и он сдержит слово. Нет, на этот раз, Брик, мы как следует проучим этих ниггеров, и ни один посторонний сукин сын нас не остановит.

Кейд вынул платок и вытер лицо.

Как только Мэтисон послал за ним, он понял, что грядут неприятности. Едва войдя в маленький неопрятный кабинет Мэтисона, Кейд инстинктивно почувствовал, что этот визит будет иметь катастрофические последствия. Не то чтобы Кейд его винил. Не было лучшего редактора новостей, чем Генри Мэтисон. Он всегда выгораживал Кейда. Он давал ему шанс за шансом. Он принимал заверения Эда Бердика, что Кейд гений и все еще лучший фотограф в мире: если только представится возможность, Кейд сумеет это доказать. У Кейда был шанс, и как он им распорядился?

В судороге стыда Кейд сунул в сумку с аппаратурой потные трясущиеся пальцы.

Пять месяцев он старался оправдать доверие Бердика. Он доказал Мэтисону, что не зря получает деньги. Случались моменты, когда у Мэтисона, которого трудно было впечатлить, начинали восхищенно гореть глаза, едва Кейд бросал ему на стол глянцевые фотографии. Этот период длился всего пять месяцев, затем Кейд снова начал прикладываться к бутылке. У него была причина, и очень веская, но он не мог поделиться своими проблемами с Мэтисоном, который был предан работе. Для Мэтисона ни одно обстоятельство не могло послужить оправданием. Тем более Хуана. Для Мэтисона женщины не имели значения.

За последние три недели Кейд завалил четыре важных задания. Поэтому, когда Мэтисон за ним послал, Кейд думал, что его выгонят с работы. Он понятия не имел, чем будет заниматься, когда покинет редакцию. Он был болен и который день не мог уснуть. Чтобы хоть как-то держаться, ему требовалась пинта виски в день. Как минимум. Он мог бы пить и больше, но именно такое количество алкоголя позволяло ему оставаться на плаву. Кейду не хватало денег. Он с трудом наскребал их, чтобы вносить платежи за машину. Он задолжал за аренду квартиры. Его имуществом была фотоаппаратура, и Кейд скорее умер бы, чем с ней расстался.

– Садись, Вэл, – предложил, отодвигая стул, Мэтисон, маленький, похожий на птицу человек сорока семи лет, то есть на десять лет старше Кейда. – В последнее время ты не слишком-то хорошо справляешься с работой, согласен?

Кейд положил дрожащие руки на спинку стула. Эффект от последней порции виски проходил. Кейда бросало в жар, голова болела, и появилась ноющая боль в животе, которая его пугала.

– Пропустим лекцию, – сказал он. – Я все понимаю. Было здорово работать вместе, и я...

– Сядь и заткнись, – мягко сказал Мэтисон. Он достал из ящика стола бутылку скотча, две стопки, наполнил их и пододвинул одну к Кейду. – Давай, Вэл.

Кейд посмотрел на виски. Несколько мгновений он сопротивлялся искушению, затем поднял стопку и осторожно пригубил. Потом, все еще колеблясь и держа стопку с недопитым виски на весу, Кейд сел на стул и, не сумев удержаться, допил виски.

– Кое-что затевается. Как раз по твоей части, – сказал Мэтисон. Он сочувственно пригляделся к Кейду и поставил бутылку прямо перед ним. – Наливай. У тебя такой вид, что лишний глоток тебе не помешает.

Кейд демонстративно проигнорировал бутылку и произнес:

– Что затевается?

– Синдикат «Эйс» нашел горячую тему. Их ребята хотят, чтобы ты ею занялся. Это будет хорошо для нас, для них и для тебя.

Работа на синдикат обычно сулила большие деньги. Подразумевалось, что фотограф делает снимки, а синдикат организует освещение материала в мировой прессе. Прибыль делилась пополам.

– В чем заключается работа? – спросил Кейд.

Кейд подумал, что работа заставит его бросить пить и это поможет ему выбраться из финансовой ямы. Он снова наполнил свою стопку.

– В Истонвилле на сегодня намечена демонстрация борцов за гражданские права, – сообщил Мэтисон, отводя взгляд. – Ожидают, что настоящая заваруха начнется завтра во второй половине дня.

Кейд медленно закрутил крышечку от бутылки. По его спине пробежали мурашки.

– Почему не сегодня? – спросил он, безнадежно глядя на виски в своей стопке.

– Заказчик не хочет, чтобы ты прибыл на место слишком рано. Работа должна быть выполнена быстро. Прилетел, сфотографировал и улетел.

– Если я смогу это сделать, – заметил Кейд.

Мэтисон отпил глоток и ничего не ответил.

После долгой паузы Кейд сказал:

– В последний раз, когда фотографы из Нью-Йорка попытались заснять такое дельце, трое из них угодили в больницу, пять камер были разбиты, и никто так и не увидел ни одной фотографии.

– Вот почему «Эйс» так сильно хочет заполучить эти фотографии.

Кейд допил виски. Потом он спросил:

– Тебе они тоже нужны?

– Да, нужны. Ребята из «Эйс» сказали, что заключат солидный контракт с журналом «Лайф», если фотографии окажутся хорошими. – Снова повисла пауза, после чего Мэтисон продолжил: – Я тут говорил по телефону с агентом из «Дженерал моторс». Он спросил, возьмем ли мы на себя плату за твою машину. Я должен был ответить, что такие платежи не предусмотрены твоим контрактом. – Опять наступила пауза. – Решай сам, Вэл. Элис закажет тебе билет. Получишь сто долларов на расходы и даже больше, если хочешь. Ну, что ответишь?

– Это довольно трудное задание, – отозвался Кейд, чувствуя, как страх сжимает его сердце. – А кто еще поедет?

– Никто. Больше об этом не знает ни одна душа. Если справишься, то будешь опять в деле.

Кейд провел рукой по лицу:

– А если нет, меня вышвырнут?

Мэтисон задумчиво посмотрел на него, потом взял синий карандаш и принялся править какую-то рукопись, лежащую перед ним на столе. Всем в редакции было известно, что это означает «разговор закончен».

Кейд долго сидел в раздумьях. «Хорошего ждать не приходится», – сказал он себе, но в нем все еще оставалась маленькая искорка самоуважения, и выпитый виски ее раздувал.

– Ладно. Покупайте билет. Завтра я буду в порядке, – сказал он и, пошатываясь, с пьяным достоинством покинул кабинет.

Когда Кейд, спустившись по трапу самолета, направлялся к зданию истонвиллского аэропорта, он увидел вдали столб дыма на фоне безоблачного неба. Свет над аэропортом был каким-то странным и довольно зловещим, как во время затмения.

Двое других пассажиров, прибывших вместе с ним, шагали впереди. Они шли быстро, целеустремленно, размахивая при ходьбе руками.

Кейд не торопился. День был жаркий и душный, а сумка, которую он нес, повесив на плечо, была тяжелой. Кроме того, ему страшно не хотелось покидать аэропорт. Он знал, что должен следовать прямо к месту пожара, но его передергивало от этой мысли. Он решил сперва поехать в отель и разузнать, что же происходит в городе на самом деле. Но прежде всего он должен был выпить.

Он вошел в прохладный и тускло освещенный вестибюль здания аэропорта. Там было пустынно, если не считать двух пассажиров: те стояли у входа, беседуя с высоким, крепко сложенным мужчиной в спортивной рубашке с коротким рукавом и выцветших брюках цвета хаки.

Кейд мельком взглянул на всех троих и вошел в бар слева от входа. Там тоже было пустынно. Лысеющий бармен средних лет читал газету.

Контролируя нетерпение, Кейд как можно спокойнее попросил неразбавленный скотч. Бармен с любопытством посмотрел на него, потом налил порцию из бутылки с этикеткой «Белая лошадь» и пододвинул стакан Кейду.

Кейд опустил сумку на пол и дрожащими руками вытащил сигареты. От усилия, которое потребовалось, чтобы не схватить стакан тут же, на лбу Кейда выступил пот. Он заставил себя пару раз затянуться, стряхнул пепел в стеклянную пепельницу и лишь затем, стараясь быть очень небрежным, взял виски и отхлебнул.

– Только что прилетели? – спросил бармен.

Кейд посмотрел на него, чувствуя волнение, затем отвел взгляд и допил виски, прежде чем ответить:

– Именно так.

– Думаю, только безумцы приедут сегодня в наш город без крайней нужды, – заметил бармен.

Кейду очень хотелось выпить еще, но ему казалось, что лысого бармена так и тянет доставить ему какие-нибудь неприятности.

Кейд неохотно положил деньги на барную стойку, взял сумку и направился к выходу. Его сердце екнуло, когда в дверном проеме он увидел мужчину в спортивной рубашке и брюках цвета хаки. Тот стоял с таким видом, как будто поджидал Кейда.

Мужчина был примерно одного с ним возраста. Серые глаза, крупный нос, тонкие губы. Суровое выражение не сходило с его красного мясистого лица. К карману рубашки прикреплена пятиконечная серебряная звезда.

Когда Кейд подошел к нему, мужчина не сделал ни малейшего движения, чтобы уйти с дороги. Кейд остановился, во рту у него пересохло.

Мужчина тихо сказал:

– Я младший шериф Джо Шнайдер. Ты Кейд?

Кейд попытался заставить себя встретиться взглядом с его стальными серыми глазами, но не смог.

– Верно, – сказал он, переминаясь с ноги на ногу.

– Когда парни вроде тебя разговаривают со мной, они обычно называют меня шерифом, – заявил Шнайдер. – Именно такое обращение мне нравится.

Кейд ничего не ответил. Он досадовал на себя. Год назад он с легкостью справился бы с подобной ситуацией. Только теперь он понял, как низко опустился. Он был напуган и не мог придумать, что сказать. Осознание этого факта вызвало у него отвращение к самому себе.

– Вэл Кейд, так называемый бог фотографии из «Нью-Йорк сан», – произнес Шнайдер оскорбительно-насмешливым тоном. – Верно?

– Это мое имя, шериф, – подтвердил Кейд.

– Что привело тебя в Истонвилл, Кейд?

Кейд подумал: «Скажи ему, чтобы он сдох. Он ничего не может с тобой сделать, хоть он и официальное лицо. Даже если он осмелится что-то затеять, его могут вышвырнуть с работы. Он блефует. Он пытается напугать. Надо ему сказать...»

Но вместо этого ответил:

– Я здесь потому, что мне нужно здесь быть, шериф. Но это ничего не значит. Я не ищу неприятностей.

Шнайдер склонил голову набок:

– Это верно? Я слышал, «Нью-Йорк сан» их ищет.

– Может быть, но из-за меня у вас не будет проблем, – пообещал Кейд.

Шнайдер посмотрел на него, засунув большие пальцы за пояс:

– Объясни мне кое-что, Кейд. Почему они послали сюда такого слизняка? Объясни...

Меня это интересует.

Кейд пожалел, что не заказал еще одну порцию виски. Теперь он действительно в ней нуждался.

– Объясни мне, Кейд, – повторил Шнайдер и, протянув руку, слегка толкнул Кейда в грудь, отчего тот отшатнулся на пару футов.

Еле удержавшись на ногах, Кейд провел тыльной стороной ладони по сухим губам.

– Думаю, они выбрали не того человека, – выдавил он из себя и продолжил: – Я не буду фотографировать, шериф, если вас это беспокоит.

Шнайдер медленно оглядел его сверху вниз:

– Не беспокойся о том, что может меня беспокоить. Где ты собираешься остановиться?

– Отель «Сентрал мотор».

– Когда ты уезжаешь?

– Следующим самолетом... В одиннадцать часов завтра утром.

Шнайдер долго размышлял, презрительно глядя на Кейда, затем пожал плечами:

– Чего же мы ждем? Пойдем, Кейд. Я прослежу, чтобы о тебе позаботились.

Когда они вместе шли через вестибюль, Шнайдер внезапно спросил:

– Что в сумке, Кейд?

– Мои вещи.

– Там есть камера?

Кейд резко остановился. Вспышка гнева мелькнула в его глазах, когда он повернулся лицом к Шнайдеру, который от неожиданности отшатнулся от него.

– Тронете мою камеру, – тихо и истерично взвизгнул Кейд, – и я устрою вам, черт возьми, настоящую войну!

– Разве кто-то сказал, что собирается трогать твою камеру? – проговорил Шнайдер, опустив руку на рукоятку пистолета. – Я этого не делал. Так из-за чего ты так раскричался?

– Просто не прикасайтесь к ней, вот и все, – сказал Кейд более сдержанным тоном.

Шнайдер оправился от удивления:

– Пошли. Чего, собственно говоря, мы здесь ждем?

Кейд снова нетвердым шагом двинулся к выходу. Внезапно он почувствовал тошноту и слабость. Давешняя вспышка была настолько спонтанной, что испугала и шокировала его самого.

Вдохнув пропитанный дымом влажный воздух, Шнайдер махнул рукой в сторону грязного «шевроле», припаркованного в тени напротив здания аэропорта. За рулем сидел молодой загорелый мужчина в такой же форме, как у Шнайдера, и с такой же серебряной звездой на кармане рубашки. Невыразительные, похожие на мокрые камешки темные глазки смотрели настороженно.

– Рон, это Кейд, когда-то фотограф-ас. Может, ты о нем слышал. Он не ищет неприятностей, – сказал Шнайдер. – Отвези его в гостиницу. Завтра утром он улетает одиннадцатичасовым рейсом. Составь ему компанию, пока он пробудет здесь. – Потом, обращаясь к Кейду, Шнайдер продолжил: – Это Рон Митчелл. Он ненавидит друзей ниггеров. Он ненавидит смутьянов. Он ненавидит пьяниц... особенно пьяниц. – Шнайдер усмехнулся. – Не надо его раздражать. Он ненавидит, когда его раздражают.

Митчелл наклонился вперед, взглянул сквозь открытое окно на Кейда, а затем посмотрел на Шнайдера.

– Если ты думаешь, что я буду сидеть с этим вонючим алкашом до завтрашнего утра, Джо, – ответил он злобно, – тебе нужно проверить голову.

Шнайдер примирительно махнул рукой:

– Тебе не обязательно с ним сидеть. Запри его в комнате, если хочешь. Мне наплевать, но смотри, чтобы от него не было лишних хлопот.

Пробормотав что-то себе под нос, Митчелл открыл дверь «шевроле».

– Залезай! – рявкнул он Кейду. – Если захочешь неприятностей, я тебе их обеспечу!

Кейд сел в машину и положил сумку на колени. Митчелл нажал на педаль газа, и машина рванула в сторону пустынного шоссе. Когда они достигли его, автомобиль уже ехал со скоростью семьдесят миль в час.

Кейд уставился на дорогу. Других машин не было видно. За время семимильной поездки в город они встретили только одну полицейскую машину. Сидя за рулем, Митчелл продолжал чертыхаться себе под нос.

Когда приблизились к окраине города, Митчелл снизил скорость. Потом поехали по главной улице. Магазины были закрыты. Ни одного прохожего. Когда проезжали главный перекресток, Кейд увидел нескольких крепко сложенных мужчин, стоящих молчаливой группой на углу улицы. Все держали в руках дубинки, а на поясе у каждого красовалась кобура.

Митчелл свернул на боковую улицу и припарковался возле отеля.

Отель «Сентрал мотор» представлял собой современное десятиэтажное здание, перед которым находился небольшой газон и фонтан. Балконы, имевшиеся в каждом номере, нависали над тротуаром.

Когда Кейд и Митчелл поднялись по ступенькам к входу в отель, швейцар кивнул шерифу, а затем с любопытством посмотрел на его спутника. Войдя, подошли к стойке регистрации, где клерк вручил Кейду ручку и регистрационную карточку. Кейд с трудом смог ее заполнить – так дрожала рука.

– Ваш номер четыреста пятьдесят восемь, – сказал клерк и положил ключ на стойку. У него был смущенный вид человека, который имеет дело с нищим.

Митчелл взял ключ. Отмахнувшись от направлявшегося к ним коридорного, он вызвал лифт.

Поднявшись на четвертый этаж, Кейд с Митчеллом прошли по длинному коридору к номеру 458.

Митчелл отпер дверь и оказался в хорошо обставленной большой комнате. Он вышел на балкон. Потом посмотрел вниз на улицу, убедился, что Кейд не сможет сбежать, и вернулся в номер.

Кейд бросил сумку на кровать. Ноги болели, во всем теле ощущалась ужасная усталость. Он хотел сесть, но ждал, когда уйдет Митчелл.

– Ладно, – сказал Митчелл. – Оставайся здесь до отъезда. Я буду поблизости. Хочешь, тебе принесут что-нибудь, пока я тебя не запер?

Кейд колебался. У него не было ни крошки во рту с прошлого вечера, но голода он не чувствовал. Он ел очень мало.

– Бутылку скотча и немного льда, – сказал он, не глядя на Митчелла.

– У тебя есть деньги, чтобы заплатить?

– Да.

Митчелл вышел, хлопнув дверью. Кейд услышал, как ключ повернулся в замке. Он снял куртку, сел в большое кресло и уставился на свои трясущиеся руки.

Минут через десять официант принес ему бутылку скотча, стакан и ведерко со льдом. Кейд не взглянул на официанта и не дал ему чаевых. Митчелл, который пришел с официантом, снова запер дверь.

Убедившись, что они ушли, Кейд налил себе большую порцию скотча. Он сделал глоток, а потом подошел к телефону и поднял трубку.

Ответил женский голос.

Кейд попросил, чтобы его связали с Нью-Йорком, с редакцией «Нью-Йорк сан».

– Подождите минутку, – попросила телефонистка.

Было слышно, как девушка с кем-то разговаривает, но разобрать слова не удавалось. Через несколько минут девушка коротко сказала:

– Сегодня звонки в Нью-Йорк не принимаются.

Кейд положил трубку. Он посмотрел на ковер, потом прошел через комнату к столу, на котором его ждал скотч.

– Мистер Кейд! Пожалуйста, проснитесь, мистер Кейд! Мистер Кейд!

Кейд застонал. Не открывая глаз, он приложил руку к разламывающейся голове. Он не знал, сколько проспал, но был уверен, что недолго.

Солнечный свет, проникающий через балконную дверь, был ярким и слепящим.

– Мистер Кейд! Пожалуйста. . .

Кейд с трудом выпрямился, медленно опустил ноги на пол. Повернувшись спиной к окну, он рискнул открыть глаза. Через какое-то время расплывчатые очертания комнаты сделались более четкими. Потом он увидел стоящего рядом человека и закрыл глаза руками.

– Мистер Кейд! У нас не так много времени!

Кейд подождал несколько секунд, затем взглянул на говорившего. Когда он увидел, что это негр, его вдруг пробрала дрожь.

– Мистер Кейд! Марш начинается через полчаса. С вами все в порядке? – спросил негр.

Он был высоким, худощавым и моложавым. На нем были белая рубашка с расстегнутым воротом и аккуратно выглаженные черные брюки.

– Что вы здесь делаете? – хриплым голосом потребовал ответа Кейд. – Как вы сюда вошли?

– Я не хотел напугать вас, мистер Кейд. Я Сонни Смолл, секретарь Комитета защиты гражданских прав.

Кейд уставился на него, чувствуя, как кровь отливает от лица.

– Здесь работает моя девушка, мистер Кейд, – продолжил Смолл тихим настойчивым шепотом. – Она мне позвонила. Сказала, что вы пытались связаться со своей газетой, но вас не соединили. Она сказала, что вас здесь заперли. Как только она мне позвонила, я сразу же приехал. Она дала мне ключ. Мы можем воспользоваться служебным лифтом. За ним никто не следит.

Чувство паники затуманило сознание Кейда. Он не мог думать, не мог говорить. Он просто сидел, уставившись на Смолла.

– У нас мало времени, мистер Кейд, – поторопил Смолл. – Вот ваша камера. Я приготовил ее для вас. – С этими словами он сунул в трясущиеся руки Кейда его «Минолту».

Кейд глубоко вздохнул. Прикосновение холодного металла фотоаппарата вывело его из состояния шока.

– Вали отсюда! – воскликнул он, свирепо глядя на Смолла. – Оставь меня в покое! Убирайся!

– Вам нехорошо, мистер Кейд?

Смолл был сбит с толку и поражен.

– Убирайся отсюда! – повторил Кейд, повышая голос.

– Но я ничего не понимаю. Вы приехали сюда, чтобы помочь нам, не так ли? Сегодня утром мы получили телеграмму о вашем приезде. Что случилось, мистер Кейд? Мы все вас ждем. Марш начинается в три часа.

Кейд поднялся на ноги. Держа «Минолту» в правой руке, он указал левой на дверь:

– Убирайся отсюда! Мне плевать, когда начнется марш. Убирайся!

Смолл смутился.

– Вы не можете так говорить, мистер Кейд, – произнес он очень мягко. В его глазах было понимание и сочувствие, от чего Кейда тошнило. – Пожалуйста, выслушайте меня. Вы лучший фотограф в мире. Мои друзья и я следили за вашей работой в течение многих лет. Мы собираем ваши фотографии, мистер Кейд. Вспомните замечательные снимки, сделанные в Венгрии, когда туда вошли русские. А кадры, запечатлевшие голод в Индии. А пожар в Гонконге. Это уникальная хроника страданий людей. Мистер Кейд, у вас есть то, чего нет у других фотографов. Вы обладаете превосходным талантом и глубоким чувством сострадания. Мы начинаем марш в три часа. Нас ждут более пятисот человек с дубинками, оружием и слезоточивым газом. Мы знаем это, но собираемся выступить против них. К вечеру многие из нас будут ранены, но мы сделаем это, потому что хотим выжить в этом городе. Многие из нас испытывают страх, но когда мы услышали, что вы присоединитесь к нам и будете снимать марш на пленку, это

придало нам силы. Мы поняли: что бы ни случилось с нами сегодня, мир увидит это. Вот в чем наша надежда. Пусть люди узнают и поймут, какова наша цель, но нам нужна ваша помощь. – Он остановился и посмотрел на Кейда. – Вы боитесь? Конечно да. Я тоже. Как и все мы. – Он снова сделал паузу, а затем быстро продолжил: – Но я не верю, что человек вашей честности и вашего таланта откажется идти с нами сегодня днем.

Кейд медленно подошел к письменному столу. Он поставил камеру и плеснул виски в стакан.

– Вы поставили не на того героя, – пробормотал он, стоя спиной к Смоллу. – А теперь убирайся, ниггер, и держись от меня подальше.

Последовало долгое многозначительное молчание, а затем Смолл сказал:

– Мне жаль, мистер Кейд... мне жаль вас.

После того как дверь тихо закрылась и ключ повернулся в замке, Кейд некоторое время смотрел на стакан, который держал, затем содрогнулся от ненависти к себе и швырнул стакан в противоположную стену. Капли виски попали на его рубашку. На негнущихся ногах он подошел к кровати и сел на нее, сжимая кулаки. Он оставался в таком положении некоторое время, глядя на ковер, отказываясь думать, стараясь быть безучастным ко всему.

Женский крик, пронзительный и истошный, послышавшийся где-то на улице, заставил его подняться. С замиранием сердца Кейд прислушался. Крик раздался снова. Дрожа, Кейд рывком открыл дверь и вышел на балкон.

После прохлады номера, где работал кондиционер, уличный жар окутал его, словно удушливое влажное одеяло. Сжимая перила, Кейд наклонился вперед и посмотрел на улицу.

Сонни Смолл стоял посреди проезжей части, его черные руки сжались в кулаки. В лучах полуденного солнца его рубашка выглядела очень белой, а кожа очень черной. Он посмотрел сначала направо, потом налево. Затем он помахал кому-то, кого Кейд не мог видеть, и пронзительно закричал:

– Беги, Тесса! Держись от меня подальше!

Кейд посмотрел направо. Трое белых бежали по улице к Смоллу. Рослые, сильные мужчины с дубинками в руках. Кейд посмотрел налево. Двое других мужчин, также с дубинками, стремительно приближались к Смоллу с другой стороны. Это была классическая ситуация: беглец и охотники. Никаких шансов скрыться.

Кейд рванул назад в комнату. Он схватил фотоаппарат, быстрым движением снял мало-мощный объектив, затем вытряхнул все содержимое сумки на кровать. Взяв двадцатисантиметровый телеобъектив, он вновь выскочил на балкон. Многолетний опыт работы с камерой сделал его движения уверенными, быстрыми и автоматическими. Крепление объектива защелкнулось на корпусе камеры. Кейд установил выдержку на 1/125 и диафрагму на 16. Сходящиеся громы и одинокий чернокожий в белой рубашке – картина зловещего насилия, схваченная фотосъемкой.

Руки Кейда чудесным образом успокоились. Затвор фокальной плоскости щелкнул.

Внизу под балконом один из бегущих мужчин закричал хриплым и злобным от предвкушения скорой расправы голосом:

– Это черномазый Смолл! Тот самый сукин сын! Хватайте его, ребята!

Смолл, когда нападающие поравнялись с ним, присел и скрестил руки, прикрывая голову. Дубинка ударила его по рукам, заставив беднягу упасть на колени. Еще один удар. Звуки новых ударов отчетливо доносились до Кейда, и он снова нажал кнопку затвора.

Пятеро мужчин столпились вокруг упавшего негра. Яркая лента крови текла по диагонали между их пыльными башмаками.

Смолл сделал судорожное движение, когда дубинка опустилась на его ребра. Один из мужчин оттолкнул другого, чтобы самому добраться до упавшего негра. Ботинком он ударил Смолла в скулу. Брызнула кровь, испачкав ботинок и брюки нападавшего.

Четырьмя этажами выше затвор фотоаппарата щелкал снова и снова.

Затем из отеля выбежала стройная негритянка в белом халате. Высокая, с растрепанными вьющимися волосами, босиком, она во весь дух неслась к Смоллу.

Кейд поймал ее в видоискатель. С помощью двадцатисантиметрового объектива он мог видеть ее полные ужаса глаза.

Один из мужчин был готов снова пнуть Смолла в лицо. И тут девушка впиалась ногтями в лицо громилы, заставив его отпрянуть. Потом она склонилась над Смоллом, оказавшись лицом к нападавшим.

Мужчины отступили назад. Настала минута напряженной тишины. Затем человек с расцарапанным лицом закричал и размахнулся дубинкой. Дубинка врезалась в предплечье девушки, когда та подняла руку вверх, чтобы защитить голову. Сломанная рука бессильно повисла.

– Убить эту черномазую суку! – взревел пострадавший и ударил дубинкой девушку по голове.

Девушка упала на Смолла. Халат задрался, и было видно ее длинные и тонкие ноги.

В конце улицы раздался пронзительный полицейский свисток. Пятеро нападавших обернулись. Два младших шерифа со сверкающими на солнце звездами смотрели на них, широко улыбаясь. Затем стражи закона медленно направились к месту расправы.

Мужчина с расцарапанным лицом склонился над лежащей без сознания девушкой и с наглой жестокостью вогнал конец своей дубинки ей между ног. Один из товарищей схватил его и оттащил прочь. Затем все пятеро, повернувшись спиной к медленно приближающимся шерифам, быстро зашагали прочь.

Пока шерифы шли к лежащим без сознания неграм, пятеро мужчин успели скрыться.

Кейд опустил камеру. Он понимал, что теперь у него есть фотографии, даже более ценные, чем любые снимки, которые он мог сделать на марше свободы.

Теперь ему захотелось выпить.

Кейд неуверенным шагом вернулся в комнату – и остолбенел. Волна холода прокатилась по его спине.

В дверном проеме стоял Митчелл. Мужчины смотрели друг на друга, затем Митчелл вошел в комнату, закрыл дверь и запер ее за собой.

– Отдай камеру, сукин ты сын, – сказал он.

Кейд подумал: «Как случилось, что всего за год я смог разрушить свое тело и притупить разум и теперь, когда мне так нужны силы, они наверняка подведут? Год назад я легко справился бы с этим дешевым головорезом. А теперь он внушает мне страх. Он для меня слишком сильный. Он может избить меня и отнять фотографии».

– Ты слышал, что я сказал? – рявкнул Митчелл. – Давай камеру!

Кейд попятился. Дрожащими пальцами он снял двадцатисантиметровый объектив и положил его на кровать, продолжая отступать, пока не достиг стены.

Митчелл медленно приблизился к нему.

– Я видел, как ты фотографировал, – сказал он. – Теперь у тебя большие неприятности. Я предупреждал, не так ли? Давай камеру!

– Можешь ее взять, – задыхаясь, ответил Кейд. – Только не прикасайся ко мне.

С этими словами он снял висевший на шее фотоаппарат.

Митчелл молчал, с ухмылкой глядя на Кейда.

Камера висела на ремешке, который Кейд держал в правой руке. Лицо Кейда побледнело, рот был приоткрыт. Дыхание стало прерывистым, он задыхался. В глазах читался ужас. Кейд выглядел таким презренным существом, что Митчелл совершил роковую ошибку: он уже расслабился, садистски предвкушая момент, когда острые костяшки его пальцев вонзятся в лицо дрожащего перед ним человека.

Шериф шелкнул пальцами.

– Давай! – велел он.

И тут с Кейдом что-то случилось. Его всегда отличало необыкновенно трепетное отношение к камере. За долгие годы фотоаппарат Кейда ни разу не пострадал, хотя многие пытались его разбить. Но теперь, когда он был готов передать камеру Митчеллу, этот инстинкт куда-то исчез.

Прежде чем Кейд понял, что делает, его правая рука молниеносно описала дугу. Камера, висевшая на конце ремешка, словно камень в праще, полетела в ухмыляющееся лицо Митчелла.

У Митчелла не было шансов избежать удара. Край тяжелой металлической камеры задел его висок, поранив кожу и заставив шерифа упасть на колени.

Хлынувшая кровь заливала глаза Митчелла. В полубессознательном состоянии, ослепленный, он опустился на колени перед Кейдом, склонив голову и упираясь руками в пол.

Кейд в ужасе уставился на коленопреклоненного врага. Камера качнулась на ремешке, сильно ударив Кейда по колену, но он не почувствовал боли. Ремень выскользнул из его пальцев, и камера упала на пол.

Митчелл покачал головой и застонал. Медленно он перенес вес на левую руку, затем его правая рука нащупала в кобуре рукоять револьвера сорок пятого калибра.

Преодолевая дрожь, Кейд поднял двадцатисантиметровый объектив. Когда Митчелл начал вытаскивать пистолет, Кейд подошел к нему и ударил объективом по голове. Митчелл приподнялся, а потом обмяк, распластавшись на ковре.

Кейду вдруг стало так плохо, что пришлось сесть на кровать. На мгновение ему показалось, что сейчас он упадет в обморок. Он посидел несколько минут, обхватив голову руками и ожидая, когда пройдет приступ слабости. Наконец он заставил себя подняться. Он взял камеру и начал перематывать пленку. Это заняло некоторое время, потому что руки тряслись и пальцы не слушались, но в конце концов он вытащил кассету.

Митчелл слегка пошевелился. Кейд нетвердой походкой пересек комнату, взял куртку и надел ее. Кассету он бросил в правый карман. Пару мгновений он колебался, раздумывая, брать ли с собой аппаратуру, но понял, что не сможет пройти по улицам Истонвилла, имея при себе такую смертельную улику. Выйдя в длинный пустой коридор, он вспомнил, что Смолл говорил о лифте для персонала, за которым не следят, и быстро прошел к двери лифта с надписью «Служебный». Он пожалел, что не захватил с собой бутылку виски. Сейчас ему действительно требовалось выпить, и у него было искушение вернуться в номер, но он устоял.

Он нажал кнопку лифта и, пока ждал его, старался дышать ровно. Кейд попытался собраться с мыслями. Он понятия не имел, как выбраться из Истонвилла. Самолетов сегодня больше не ожидалось. Значит, лучше всего было бы взять напрокат машину, но есть опасность, что Митчелл уже успеет предупредить полицейских. Они не позволят ему сбежать. Выставят патрули на дорогах. Может, стоит попытаться выбраться на поезде.

Двери лифта распахнулись, Кейд вошел и нажал кнопку первого этажа.

Он посмотрел на часы. Три часа. Марш свободы начался. Это может дать ему шанс. Полиция и младшие шерифы сейчас так заняты разгоном демонстрантов, что никому до него нет дела.

Лифт остановился, и Кейд вышел в тускло освещенный проход, ведущий к открытой двери и солнечному свету. Кейд миновал коридор и выглянул на узкую улочку за фасадом отеля. Она была безлюдна.

Держась в тени, Кейд быстро зашагал по ней.

Не дойдя до конца улицы, которая вела к главной магистрали города, Кейд перешел на другую сторону и двинулся по идущему параллельно узкому проезду.

Слово «гараж», написанное неоновыми буквами, привлекло его внимание. Он прибавил шагу и, задыхаясь и потев, дошел до открытых дверей гаража.

Хозяин-толстяк стоял, прислонившись к крылу «понтиака». Он грелся на солнце и курил сигару, но выпрямился, когда увидел Кейда.

– Я хочу взять машину, – сказал Кейд как можно спокойнее.

– Бенсон, – представился толстяк, протягивая потную руку.

Кейд нехотя ее пожал.

– Нужна машина напрокат? – спросил толстяк. – Нет ничего проще. У меня полно машин. На какой срок?

Кейд вдруг вспомнил, что у него осталось всего восемьдесят долларов и несколько центов из той сотни, которую ему дал Мэтисон. Теперь он сожалел обо всех тратах на выпивку за истекшее с тех пор время, однако ему захотелось выпить еще.

– Только на пару часов, – солгал он, не глядя на толстяка. – Мне предстоит короткая поездка. Слишком жарко, чтобы идти пешком.

– Двадцать баксов, – быстро ответил Бенсон. – Пробег оплачивается дополнительно. Еще залог девяносто баксов и страховка, но это с возвратом.

Поскольку Кейд давно отвык быть бдительным, он совершил ошибку.

– У меня есть кредитка от «Херца»¹, – сказал он, вынимая бумажник. – Я заплачу двадцать баксов, но без залога. – И он протянул карточку Бенсону.

Как только толстяк принялся изучать карточку, Кейд понял свою ошибку, но было слишком поздно.

Лицо Бенсона превратилось в жирную уродливую маску. Он вернул карточку Кейду.

– Я не сдаю свои машины приятелям негров, – процедил он. – Убирайся!

Не сказав ни слова, Кейд повернулся и пошел по улице. Ему хотелось перейти на бег, но он подавил в себе этот приступ паники.

В конце улицы он свернул налево, в переулок с обшарпанными домами, который, как он мог видеть, тоже вел к главной улице. На полпути к ней Кейд увидел табличку с надписью: «Бар Джека». Сначала он прошел мимо бара, но через несколько ярдов остановился. Кейд огляделся по сторонам. За ним никто не наблюдал. Он заколебался. Он знал, что нельзя терять ни минуты, но ему требовалось выпить.

Без выпивки он не мог идти дальше: его мышцы болели, их сводила судорога. Он вернулся, толкнул дверь и вошел в маленький обшарпанный бар.

Там не было никого, кроме старого негра-бармена, который стоял как вкопанный, с опаской глядя на Кейда покрасневшими глазами.

– Не нужно меня бояться, – тихо произнес Кейд. – «Белую лошадь» со льдом.

Старый негр поставил перед Кейдом бутылку, стакан и емкость со льдом, затем отошел в конец бара и встал, повернувшись к Кейду спиной.

После второго глотка Кейд взял себя в руки. Он прислушивался к неестественной тишине переулка и размышлял о марше свободы.

– Вы не знаете, как мне достать машину? – внезапно спросил он. – Мне нужно выбраться из города.

Старый негр пригнулся, словно ожидая удара.

– Я ничего не знаю о машинах, – сказал он, не оглядываясь.

– На двоих ваших напали перед отелем «Сентрал мотор». Им сильно досталось, – сказал Кейд. – Вы об этом слышали?

– Я никогда не прислушиваюсь к тому, о чем болтают у нас в городе, – ответил старик.

– Не говорите так о своем народе! Я нью-йоркский репортер! Мне нужна ваша помощь.

¹ «Херц корпорейшн» – компания по прокату автомобилей.

Наступила долгая пауза, во время которой старый негр повернулся, чтобы посмотреть на Кейда. Затем осторожно сказал:

– Вы можете говорить неправду.

Кейд достал бумажник и положил на стойку свое удостоверение журналиста:

– Я не вру.

Старый негр вышел из-за стойки, вынул из кармана жилета погнутые очки в стальной оправе и надел их. Он посмотрел на удостоверение, потом на Кейда.

– Я слышал о вас, – неожиданно признался он. – Все ждали, что вы примете участие в марше.

– Да. Но меня заперли в номере отеля. Я только что сбежал.

– Те двое, которых поймали возле отеля... они мертвы.

Кейд глубоко вздохнул:

– Вы уверены?

– Уверен. Вам лучше уйти отсюда. Если вас застанут со мной, убьют и меня.

– Я все заснял, – сообщил Кейд. – Мои фотографии помогут повесить тех пятерых, кто это сделал. Можете одолжить мне машину?

– Белых в этом городе не вешают.

– Виновных повесят, когда увидят эти фотографии. Так можете одолжить машину?

– У меня нет машины.

Раздавшаяся на улице пронзительная трель полицейского свистка разрезала воздух, заставив Кейда и бармена замереть. Кейд налил еще виски. Его сознание вдруг прояснилось. Он выпил, вытащил из кармана пятидолларовую купюру и одну из визитных карточек. Потом вынул из кармана кассету с пленкой.

– Меня могут поймать, – сказал он. – Но эти фотографии не должны попасть в чужие руки. Вы должны отправить их в «Нью-Йорк сан». Понимаете? Вы всего лишь бедный и напуганный старик, но сделайте это ради тех двоих, которых они убили. Отправьте пленку и мою визитку в «Нью-Йорк сан».

Он направился к выходу, толкнул дверь и осторожно вышел в переулок.

Полицейский свисток прозвучал снова. Переулок все еще был пуст. Кейд зашагал к перекрестку. Сердце учащенно билось, но настроение было приподнятое, и Кейд ощущал странное возбуждение. Он был уверен, что старый негр каким-то образом перешлет фотографии Мэттисону. Не важно, что будет дальше. Он выполнил свою работу. Он оправдал возложенные на него надежды.

Он даже не сбился с шага, когда из-за угла выбежали трое мужчин с дубинками в руках и набросились на него.

Глава вторая

Четырнадцать месяцев назад Кейд был в Акапулько, модном мексиканском курорте с прекрасными пляжами, завершая серию фотографий для иллюстрированного приложения к «Санди таймс».

В тот период Кейд был на вершине своей карьеры. Он мог позволить себе работать внештатным сотрудником и сам решал, что и где снимать. Он делал великолепные фотографии, которые тут же продавал Сэм Уонд, его нью-йоркский агент, перечислявший высокие гонорары на банковский счет Кейда. В то время Кейду везло: он был знаменит, богат, востребован, обладал прекрасным здоровьем, и талант выделял его из числа коллег. Успех его не испортил. Но, как и у большинства творческих личностей, у Кейда были свои недостатки: он был экстравагантен, пил больше, чем нужно, и слишком любил общество красивых женщин. Чтобы компенсировать эти недостатки, он был щедр, бескорыстен, добр и слыл «защитником неимущих».

Не имея своей семьи, он нередко чувствовал себя одиноким. У него не было корней. Но он обладал необыкновенным талантом. Много времени он проводил в поездах, самолетах и автомобилях. Весь мир был его фотостудией.

Он побывал в Сантьяго на озере Атитлан, где сделал серию проникновенных фотографий, повествующих о жизни индейцев. Получились очень хорошие фотографии, дающие возможность буквально ощутить запах пыли и грязи и понять, какую тяжелую борьбу за выживание приходится непрерывно вести индейцам.

Потом Кейд решил, что этим фотографиям требуется своего рода контраст. И это была часть его таланта – умение смешивать ингредиенты в точных пропорциях.

Поэтому он поехал в Акапулько, где с помощью двадцатисантиметрового телеобъектива получил фотографии пляжной публики – жирных и тучных, старых и морщинистых, вульгарных и неприглядных людей. Их тела, похожие на раздувшиеся на солнце трупы, обильно покрывал навеваемый ветром мелкий песок. Акапулько не случайно входил в число самых дорогих и привлекательных курортов мира: именно там можно было увидеть слишком богатых, слишком толстых, слишком обрюзгших и слишком не замечающих собственного уродства.

Кейд остановился в отеле «Хилтон». Он отправил свои фотографии Сэму Уонду. Теперь, как всегда после трудной работы, он чувствовал опустошение. Сидя в шезлонге у большого бассейна с бокалом коктейля «Текила Коллинз», он размышлял о своих планах на будущее.

Американские туристы, шумные, вульгарные и почти голые, плескались в воде, напоминая дружелюбных китов.

Кейд смотрел на них мрачным взглядом. Ему было неприятно сознавать, что так большими деньгами заправляют старики.

Он допил коктейль, взял свою «Минолту» и легкой походкой направился к общему пляжу.

Мог ли он предполагать, что там ему предстоит роковая встреча? Именно в тот жаркий солнечный день он впервые встретил Хуану – женщину, которая погубила его. Того, кому позже суждено оказаться избитому чуть ли не до смерти в городе под названием Истонвилл.

Мексиканки созревают очень рано. Впрочем, если они не следят за собой, а это свойственно не многим, они быстро становятся толстыми и непривлекательными. Хуана Рока была мексиканкой, и ей было семнадцать лет, но выглядела она старше. Она была выше своих сверстниц, и ее прекрасные черные волосы доходили до колен. Нежная смуглая кожа, большие черные глаза, маленький, аккуратный носик и чувственные губы, пробуждающие фантазии, – одним словом, ее тело было совершенным творением природы, которое только мог себе представить мужчина.

Она лежала на спине, закрыв глаза, волосы обрамляли ее лицо и тело. Она была одна.

Занятый мыслями о будущем, Кейд невольно остановился рядом с девушкой, чтобы перевести дыхание.

Маленькая полоска алой ткани прикрывала ее грудь. Другая полоска прикрывала пах.

Кейд вдруг увидел самое красивое существо, какое ему только доводилось видеть. Эта невероятная красота заставляла Кейда думать о девушке как о «существе», а не как о женщине. Лишь немного позже он осознал ее чувственность.

Его тень упала на лицо девушки, и она открыла глаза. Они посмотрели друг на друга, и она улыбнулась.

У нее были крепкие белые зубы, а ее губы искушали его.

– Совсем одна? – спросил Кейд, стоя над ней.

– Уже нет, – произнесла она с акцентом, весьма приятным. – Я видела вас вчера вечером. Вы ведь остановились в «Хилтоне», не так ли?

– Да.

Она села, убрала волосы с плеч и принялась заплетать их в блестящую черную косу.

– Вы ведь Кейд, не так ли? Фотограф?

Польщенный, он засмеялся:

– Откуда вам это известно?

– Я знаю многое. – Она посмотрела на него, такая приветливая, такая красивая. – Я видела ваши фотографии. – Она покачала головой. – Вы, должно быть, иногда очень несчастны.

Заинтригованный, Кейд опустился рядом с ней на колени:

– Откуда вы это знаете?

– Значит, я угадала?

Они посмотрели друг на друга, и Кейда немного обеспокоил ее взгляд. У него возникло ощущение, будто она хочет заглянуть прямо в его душу, и это его смутило.

– Не будем говорить обо мне, – предложил он. – Давайте поговорим о вас. Для начала – как вас зовут?

– Хуана Рока.

– Вы в отпуске?

– Что-то вроде того.

– Где вы остановились?

– Номер пятьсот семьдесят семь, отель «Хилтон», – ответила она и засмеялась, запустив тонкие длинные пальцы в пряди волос.

Сперва он не придавал ее смеху значения, но потом до него дошло:

– Это просто невероятно! Я живу в номере пятьсот семьдесят девять.

– Знаю. Я сменила номер сегодня утром.

Именно в этот момент Кейд забыл, что она красавица, и почувствовал ее непреодолимое сексуальное влечение. Он почувствовал, как кровь в жилах потекла быстрее, а сердце забилось тревожно.

– Вы действительно это сделали? – произнес он немного взволнованным голосом. – Но почему?

Она посмотрела мимо него на голубой Тихий океан, а затем спросила с загадочной улыбкой:

– Вы не скажете, который час?

– Какой час? – Пару секунд он мог лишь тупо глядеть на нее, а затем поспешно посмотрел на часы. – Без двадцати минут два.

– О боже! – Она вскочила и схватила полотенце, на котором лежала. – Я должна идти. Он ненавидит ждать. Я не знала, что уже так поздно.

– Кто? Не уходите! Пойдите...

Но она уже бежала по песку. Она делала это невероятно грациозно и легко, напоминая юношу. У нее были широкие плечи, узкая талия, а попка маленькая и упругая – совсем не такая, как у большинства мексиканских женщин.

Кейд все еще стоял на коленях в песке, провожая ее взглядом, пока она не скрылась из виду. Кейд влюблялся десятки раз, но это было нечто новое. Чувство было тревожным, даже немного болезненным. Он вдруг обнаружил, что ему изменяет прежняя уверенность в себе.

Поменяла номер? Она не шутила?

Он взял фотоаппарат и направился в отель. На полпути через мостик он остановился и посмотрел в сторону ресторана, расположенного на открытом воздухе, под соломенным навесом. Почти все столики были заняты. Мексиканские официанты, разносившие подносы с экзотическими яствами, двигались между столами с точностью смазанных маслом, хорошо отлаженных машин. Толстые американки, одетые в украшенные цветами гротескные шляпы, в купальниках со скрытыми в них корсетами нависали над своими тарелками. Волосатые старики в плавках – у многих животы лежали на коленях – весело перекикивались со своими знакомыми за другими столиками.

Наконец Кейд увидел ее. Она сидела в ресторане с высоким худощавым мексиканцем – мужчиной лет шестидесяти пяти с тонким аристократическим лицом, густой седой шевелюрой и строгим взглядом голубых глаз. На нем был безупречный блейзер, какие носят яхтсмены, белые фланелевые брюки, белая шелковая рубашка и клубный галстук – настоящий анахронизм среди буйства раздетой плоти вокруг.

Кейд уставился на мужчину, а затем с внезапно возникшим чувством подавленности пошел дальше через мостик. Он намеренно сделал крюк, чтобы пройти подальше от их столика. Он планировал пообедать, но теперь уже не чувствовал голода. Вместо этого он поднялся в свой номер.

Войдя в комнату, Кейд впервые заметил, что между его и соседним номером есть дверь. Она была заперта на засов с его стороны, и Кейд подумал, что такой же засов имеется и с той стороны.

Хуана сказала ему, что переехала в соседний номер, так что сегодня вечером, если она только пожелает, они могут открыть эту дверь.

Кейд лег на кровать, взволнованный и возбужденный.

Кто был мужчина, с которым она сидела в ресторане? Ее отец? Муж? Любовник?

Телефонный звонок заставил его вздрогнуть. Нахмурившись, Кейд схватил трубку.

– Звонит мистер Сэм Уорд из Нью-Йорка, сэр, – раздался голос телефонистки. – Вас соединить?

Это могло быть только новое задание. Наверное, придется уехать за много миль от Акапулько. Кейд посмотрел на манившую его дверь. Он подумал о длинных волосах Хуаны, ее полной груди и о том, как она ему улыбнулась.

– Нет, – сказал он. – Пожалуйста, скажите, что меня не будет неделю. И что я не оставил адреса. Вы сделаете это для меня?

Телефонистка, которой польстило, что такая знаменитость, как Кейд, секретничает с ней, взволнованно хихикнула. Шепотом заговорщика она пообещала, что выполнит просьбу, и отсоединилась.

Вечером Кейд поехал на арендованном джипе в ресторан «Ла Гама» на краю пляжа Эль-Моррор.

Накануне он договорился поужинать с Рикардо Оросео, ведущим раздела сплетен из «Акапулько ньюс».

Оросео недавно брал у него интервью. Кейд был рад принять приглашение Оросео на ужин: новый знакомый ему понравился.

Журналист, одетый в белый смокинг, уже ждал его. Это был улыбчивый, неопределенного возраста мексиканец – маленький, жилистый, очень смуглый.

Они ели морепродукты. Во время ужина болтали о том о сем, и только когда был подан кофе, Кейд решил расспросить Оросео об особо важных персонах из числа туристов.

– В «Хилтоне» остановился один мексиканец, – сказал Кейд, помешивая сахар в кофе. – Интересно, знаете ли вы, кто он такой? Высокий худой мужчина лет шестидесяти пяти. У него густые седые волосы и голубые глаза. Когда я увидел его, он был одет в...

– Я знаю, кто это, – прервал Оросео и бросил на Кейда удивленный взгляд, но продолжил: – Вы хотите сказать, амиго, что он вас заинтересовал? Это действительно так? Но разве не честнее сразу признаться, что ваше внимание привлекла его юная спутница?

Кейд усмехнулся:

– Вы видите меня насквозь и слишком ко мне строги. И все-таки кто он?

– Его зовут Мануэль Барреда. Владелец судоходной компании со штаб-квартирой в Вера-Круссе. Чрезвычайно богат. У него есть жена-инвалид, три сына – все трое помогают ему в бизнесе – и дочь, которая замужем за президентом банка в Юкатане.

Кейд был слегка удивлен и пил кофе, размышляя о полученной информации.

– Так с ним его дочь? – спросил он наконец.

Оросео затрясся от тихого смеха. Пока он бил себя по колену смуглой рукой и вытирал глаза платком, Кейд терпеливо ждал.

– Прошу прощения, – сказал Оросео, придя в себя. – Нет, это не его дочь. Если бы вы видели его дочь, вы бы поняли, почему я так развеселился. Она очень полная женщина, мистер Кейд. Очень уважаемая, понимаете, но очень тучная. Говорят, чтобы поддерживать грудь, она шьет лифчики на заказ. Ее задница...

– Бог с ней, с ее задницей. Кто эта девушка, которая приехала с ним?

– Ах! – Оросео покачал головой. – Если бы мне давали десятидолларовую купюру каждый раз, задавая этот вопрос, я смог бы купить «мерседес», о котором давно мечтаю. Каждый день, каждый час, с тех пор как она здесь, меня спрашивают, кто она.

– Это мне еще ни о чем не говорит, – остановил его Кейд.

– Ее зовут Хуана Рока.

– Это я уже выяснил сам. Кто она и чем занимается?

– Я знаю, чем она занимается, – сказал Оросео и покачал головой. – Она новая любовница сеньора Барреды. В этом не может быть никаких сомнений, но ответить на вопрос о том, кто она, несколько сложнее. Я наводил справки. До встречи с сеньором Барредой она была танцовщицей в клубе «Сан-Диего» в Мехико. Известно, что она была дружна с некоторыми тореадорами. Лучше сказать, что тореадоры были дружны с ней. – Оросео многозначительно поднял указательный палец и улыбнулся Кейду. – Есть тонкая разница. Я хочу сказать, что тореадоры, хотя и были дружны с ней, не сумели зайти далеко и реализовать свои намерения. Мне ведь не нужно объяснять вам, какие намерения имеют тореадоры, когда видят такую красивую девушку, как Хуана Рока?

– Конечно.

– И мне не нужно угадывать намерения знаменитого фотографа, который, очевидно, ею заинтересовался?

Кейд допил кофе.

– Давайте еще немного поговорим на данную тему. Мексиканский кофе действительно превосходен.

– Так и есть.

Оросео радостно улыбнулся и щелчком пальцев подозвал проходившего мимо официанта. Наступила пауза, длившаяся, пока им снова наполняли чашки.

Потом Кейд спросил:

– Что здесь делает сеньор Барреда? Я бы предположил, он не слишком занят своими кораблями, раз находится в Акапулько.

– Да, и вы имеете основание для такого предположения, не так ли? – задумчиво произнес Оросео. – Но никогда нельзя делать поспешные выводы. Вообще-то, он восстанавливается после сердечного приступа. Врачи посоветовали ему солнце Акапулько. Вот почему он здесь. Его сыновья сейчас сами ведут дела.

– Сердечный приступ?

– Довольно серьезный. Был момент, когда он был на грани жизни и смерти.

Кейд задумался над услышанным. Оросео предвосхитил его следующий вопрос:

– Вам, наверное, любопытно знать, для чего старик с плохим сердцем остановился в отеле «Хилтон» с красивой и полной жизни молодой женщиной, такой как Хуана Рока? Разве не это вас занимает?

– Да, мне было бы интересно знать, – подтвердил Кейд, улыбаясь Оросео.

– Должен сказать, что женщины, особенно такие красивые, как Хуана, вдохновляют на приключения. Здесь это очень легко и в некотором смысле даже пикантно. Дома сеньор Барреда столкнулся бы с трудностями. Но в Акапулько никто не осудит его любовные похождения. Вот он и решил не отказывать себе в удовольствиях. Но дело того явно стоит.

– Похоже что так, – согласился Кейд и внезапно почувствовал себя опустошенным.

Если Барреда готов рисковать жизнью ради Хуаны, то Кейд считал себя не вправе вмешиваться в их отношения, хотя Хуана и потрудились поменять номер. Он вдруг восхитился стариком и понял, что несправедливо было бы испортить такой медовый месяц.

Кейд пожал плечами:

– Ну хватит болтать о сеньоре Барреде и его любовнице. Пора идти. Как насчет поездки в горы?

Оросео попросил официанта принести счет.

– Увы, это невозможно. Я должен вернуться в офис. – Он подписал чек замысловатым росчерком. – Мистер Кейд, могу я дать вам совет? Обычно я этого не делаю, но вы мне нравитесь. Совет простой: в Мексике много женщин и выбрать среди них для себя пассию несложно. Поговаривают, что любовь к Хуане фатальна. Она современная Кармен. Двое тореро уже погибли из-за нее. Вы не можете успешно сражаться с быком, если ваш ум занят женщиной. С этим предостережением, мистер Кейд, я вас оставляю. Будьте осмотрительны, прошу вас. Если вы проявите дальновидность, вы избежите неприятностей. Помните, что женская красота часто бывает только приманкой, прикрывающей острый крючок. – Оросео пожал руку Кейду. – Я восхищаюсь вашим талантом. До скорой встречи.

Наблюдая, как Оросео быстро шагает к машине, Кейд подумал, что едва ли задержится в Акапулько надолго. Когда Оросео уехал, Кейд покинул ресторан. Он постоял у своего джипа, долго глядя на звезды, ярко сияющие синим светом на фоне черного бархата неба. Горячий воздух казался приторным. Он слышал шум моря – волны то набегали на берег, то отступали. В отдалении виднелась гора. Фары спускающихся с нее и поднимающихся машин, когда те появлялись и исчезали за растущими вдоль дороги деревьями, походили на светлячков.

Погруженный в свои мысли, Кейд поехал обратно в отель. Он думал о Хуане и ее любовнике.

Приехав в отель, Кейд сразу отправился к себе в номер. Там он заказал телефонный разговор с Сэмом Уондом, назвав его домашний номер. Кейд хотел узнать, не собирался ли Уонд предложить ему какую-либо работу.

Лучше уехать из Акапулько на следующее же утро. Кейд был уверен, что, получив новое задание, забудет о Хуане. Он сказал себе, что не имеет никакого права мешать пожилому человеку. Барреда не стал бы так рисковать здоровьем, не будь он сильно влюблен в эту девушку.

Сидя на кровати и закулив сигарету, Кейд принялся наблюдать за отражением луны в море.

Звонок раздался через двадцать минут.

– Мне сказали, ты уехал на неделю, – сообщил Уонд, переходя, как обычно, на крик.

– Смотри не повреди мне барабанную перепонку. У меня изменились планы. В чем дело, Сэм?

– А что у тебя случилось? – спросил Уонд, слегка понизив голос. – Какая-то красотка сумела устоять перед тобой?

– Не будем об этом. Звонок стоит денег. Так в чем дело?

– Бой быков, – доложил Уонд. – В следующем месяце появится первый выпуск нового журнала. Он называется «Смотри сам». Очень пафосный, куча напыщенной ерунды и крестовый поход за нравственные ценности, но у них уйма денег. Они собираются бороться за запрет корриды, поэтому им нужны соответствующие фотографии. Надеюсь, ты не перетрудишься? Но они предлагают три тысячи плюс двадцать пять процентов сверху за возможность публикации фотографий за пределами Штатов. Ты понимаешь, чего они хотят: загнанные лошади, умирающий бык, трусливый тореадор, туристы с садистскими наклонностями. Мне не нужно тебя учить. На это воскресенье намечен подходящий бой. Я спрашивал Крила. Он говорит, быки будут хороши. Выступает Диас. Настоящая звезда. Он сейчас в зените славы. Знаменитость. Ну что, возьмешься?

Предложение устраивало Кейда.

– Ладно, Сэм, я согласен. Пусть Крил закажет билеты. Мне нужно по месту в первом и втором рядах, у арены, плюс еще два боковых места, по разные стороны. Мне понадобится много пространства.

– О'кей.

– Скажи ему, что я хочу поговорить с Диасом до и после боя.

– Это может оказаться сложновато. Диас теперь знаменитость. Еще и не захочет позировать на камеру.

– Это дело Крила. Скажи ему, я прошу организовать встречу.

– Ладно. Забронировать для тебя номер в «Президенте»?

Кейд заколебался. Его взгляд остановился на двери между номерами.

– Нет. Я позабочусь об этом сам. Ты получил последние фотографии, которые я тебе послал?

– Только что доставили. Они сенсационные! Вэл, ты действительно гений. Я серьезно. И...

Кейд, который все это слышал не раз, осторожно положил трубку. Некоторое время он сидел, размышляя.

Ему нравилось новое задание. Оно давало возможность вновь проявить себя. Это был вызов. Ему придется работать с быстродействующим затвором и, поскольку света будет не хватать, с широкой апертурой². Глубина резкости представляла собой открытый вопрос, но Кейда увлекали трудные задачи.

Он взял телефонную трубку и расспросил администратора отеля о самолетах, вылетающих завтра в Мехико. Тот сообщил, что рейс будет в девять пятнадцать утра. Резервировать место нет необходимости. Самолет никогда не бывает полон.

Кейд поблагодарил и повесил трубку. Затем посмотрел на дверь, ведущую в соседний номер. Он подошел к ней и, приложив ухо, прислушался. Ни звука. Кейд вышел на балкон и, наклонившись, попробовал заглянуть в окно соседней комнаты. Оно было закрыто, свет не горел.

² Апертура – отверстие в объективе, через которое проходит свет.

Кейд вернулся в свой номер.

Девушка, верно, решила пошутить, подумал он, потирая затылок и морщась. Она не меняла номер. Глупый, дурацкий розыгрыш.

Кейд взял сумку из шкафа и начал собираться. Он был зол на себя. Разве он не дал себе слово, что не будет вмешиваться? Тогда зачем так волноваться? Собрав вещи, он подумал: не спуститься ли в бар? Но было уже немного за полночь. И Кейд решил лечь спать.

Он разделся, однако, прежде чем пойти в ванную, снова прислушался у двери в соседний номер. Снова тишина.

– Ну и черт с ней! – выругался он вслух.

Он постоял некоторое время под холодным душем и, когда наконец выключил воду и вытерся, ощутил легкость и спокойствие.

Едва он вышел из ванной, зазвонил телефон. Прежде чем поднять трубку, Кейд надел пижамные брюки. Он думал, что это опять Сэм Уонд: наверняка забыл сообщить какие-то детали, касающиеся нового задания.

– Алло? – произнес Кейд.

– Привет. Я увидела свет.

Ее голос и акцент Кейд узнал сразу. Сердце быстро забилося, и перехватило дыхание.

– О, вот как?

Это было все, что Кейд мог ответить.

– Да. Я вас не побеспокоила?

– Нет... нет... конечно нет.

– Это хорошо. Я хотела сказать, что с моей стороны дверь не заперта.

Кейд чувствовал невыносимое удушающее волнение.

– Я собирался лечь спать, – сказал он, чувствуя, что голос его дрожит.

– И я в постели.

Он положил трубку, быстро прошел через комнату, отодвинул засов на двери и открыл ее. Кейд остановился, заглянув в соседний номер.

Хуана прикрыла ночник синим шелковым шарфом. Но света было достаточно, чтобы увидеть ее, лежащую в кровати. Блестящие черные локоны покрывали обнаженное тело. Хуана смотрела на него и улыбалась.

Кейд вошел в комнату и закрыл дверь.

Они спешили как сумасшедшие, чтобы успеть на самолет, и примчались в аэропорт за семь минут до отправления. Пассажиров было всего восемь: несколько американских туристов – с камерами, в цветастых одеждах и огромных сомбреро.

Как и следовало ожидать, рейс задержали. Оказалось, беглецы зря гнали машину, рискуя съехать в кювет. Самолет взлетел в девять пятьдесят пять.

Приключение – а для Кейда это было захватывающее приключение – слегка омрачало чувство вины.

Когда начался рассвет и они лежали бок о бок, устав заниматься любовью, она сказала, что поедет с ним в Мехико.

– Кто тебе сказал, что я еду в Мехико? – удивленно спросил он.

– Я слышала, как ты разговаривал по телефону. Ты собираешься фотографировать бой быков, не так ли? Я отправлюсь с тобой.

– Но ты не можешь этого сделать. – Теперь, когда его желание было удовлетворено, он вспомнил о Барреде. – Ты забыла, что не одна здесь? Ты должна подумать о нем. Что он скажет?

Она подняла длинную ногу и посмотрела сквозь полумрак на свою маленькую, изящную ступню.

– У меня красивые ноги, правда? – сказала она. – Смотри. Не у каждой девушки такие красивые ноги.

Кейд резко сел:

– Нет, послушай. Мы не должны этого делать! Он болен. Он влюблен в тебя. Он...

– Он стар, и мне с ним скучно, – сказала Хуана, опуская ногу. – Я упаковала вещи. Мой багаж у швейцара. Завтра я еду с тобой в Мехико.

– Я не могу тебе этого позволить! Я не...

– Он всегда меня утомлял. Мне не следовало приезжать сюда с ним. Это была ошибка. Что мне делать с таким стариком? Я возвращаюсь в Мехико. Если я тебе не нужна, скажи, и я поеду одна.

– Но что ты ему скажешь? – обеспокоенно спросил Кейд и наклонился над ней, пытаясь разглядеть ее лицо в полутьме.

– Я ничего не буду говорить. Он поздно встает. Когда он проснется, меня здесь уже не будет.

Кейд был искренне потрясен:

– Так себя не ведут. По крайней мере, ты должна передать ему записку.

– В записке нет необходимости. Портье скажет ему, что я уехала. Это все, что ему нужно знать.

– Ты не можешь так поступить! Это унижительно для него. Ты должна либо увидеть его, либо написать ему. Я помогу тебе написать письмо. Давай сделаем это прямо сейчас.

– Сейчас мы снова займемся любовью.

Хуана обняла Кейда и поцеловала его, выгибаясь всем телом, чтобы прильнуть к его обнаженной груди.

Когда Кейд проснулся в следующий раз, было уже восемь часов. Торопясь одеться, оплатить счет и перенести в машину багаж, он забыл о письме Барреде.

Лишь когда любовники были уже на полпути в Мехико, он вспомнил об этом. Кейд подумал о старике и почувствовал угрызения совести. Он посмотрел на Хуану, сидевшую рядом. Кейд видел ее явно счастливую улыбку и с трудом верил, что эта девушка могла безжалостно обойтись с кем-либо, и все-таки ее отношение к старику казалось неоправданно жестоким.

– Я знаю маленький домик, который мы можем снять, – проговорила Хуана, глядя ему в глаза. – Он выходит окнами в парк Чапультепек. Домик очень хороший, хотя немного дороговат. Мы можем арендовать его на неделю, месяц или год. Это лучше, чем жить в отеле, не так ли? Я прекрасно готовлю. Буду присматривать за домом и готовить. Тебе понравится, хорошо?

На ней было дорогое белое платье без рукавов, на ушах сверкали золотые клипсы, а на шее драгоценное кольцо. Сама мысль о том, что такая красивая и утонченная женщина может заниматься домашним хозяйством и готовить, заставила Кейда рассмеяться.

Хуана нахмурилась:

– Думаешь, я не умею готовить?

– Я этого не говорил, – поспешно ответил он, чтобы она не обижалась. – Уверен, что умеешь, но сколько же слуг тебе понадобится?

– Слуги? – Она поморщилась. – Мне не нужны слуги. Если у нас будут слуги, как же мы сможем заниматься любовью когда захотим, в любое время дня? Кто захочет делить дом любви со слугами?

Кейд был тронут. Все женщины, которых он знал раньше, в первую очередь заводили слуг.

– По-моему, это замечательно, – восторженно сказал он. – Тогда снимем дом.

Хуана погладила его руку и улыбнулась:

– Я обо всем позабочусь. У тебя есть деньги? Они понадобятся, чтобы все устроить. – Она открыла сумку и заглянула внутрь. – У меня всего шестьсот песо. Бедный Мануэль очень скуп.

– Ты мне о нем напомнила. Право, нужно послать ему телеграмму.

– Я спросила, нет ли у тебя денег, – сказала она, отводя руку. – Твои разговоры о Мануэле наводят на меня тоску.

Кейд вздохнул. Он вынул бумажник и дал ей пять тысяч песо.

– Когда мы доберемся до Мехико, я обналичу чек. Это все, что у меня есть сейчас.

– Пяти тысяч достаточно. Ты увидишь, я очень бережлива. – Хуана снова начала гладить его руку, глядя ему в лицо блестящими темными глазами. – Я так тебя люблю. Мы будем невероятно счастливы вместе. Я бы очень хотела заняться с тобой любовью прямо сейчас.

– Я тоже, – отозвался Кейд, беря ее за руку. – Но не думаю, что другим это понравится, правда?

Хуана хихикнула:

– Правда.

Они прибыли в Мехико в двенадцатом часу. Адольфо Крил, представитель Сэма Уонда в Центральной Америке, встречал их. Это был толстый лысеющий человек с вежливыми манерами. На нем была шляпа с изогнутыми полями и поношенный светло-коричневый костюм, который был ему несколько мал.

Крил не скрывал своего восхищения, когда Кейд небрежно представил его Хуане. Крил снял шляпу и поклонился так низко, что Кейд испугался, как бы толстяк не упал.

– Вы достали билеты? – спросил Кейд, после того как польщенная Хуана одарила Крила ослепительной улыбкой.

– Конечно, – ответил Крил. – Вы будете довольны, сеньор. Все так, как вы потребовали.

– Когда я увижу Диаса?

Вежливая улыбка Крила померкла. Он заглянул в шляпу, нахмурился и грустно покачал головой:

– К несчастью, сеньор, это невозможно. Тысяча сожалений. Сеньор Диас никогда ни с кем не видится перед боем, даже с президентом. Он очень религиозный человек. Он молится и молится, прежде чем выйти на арену. Нет, это невозможно.

– Я должен встретиться с ним перед боем, – отрезал Кейд. – Я сказал мистеру Уонду, чтобы вы это устроили.

Крил переступил с одной ноги на другую и ударил себя рукой по толстой ляжке:

– Сеньор Кейд, клянусь, я сделал все возможное. Никто не мог бы сделать больше, чем я, но сеньор Диас твердо держится своих принципов. Он ни с кем не встречается ни до, ни после боя.

– Диас – тупой надутый индюк! – воскликнула Хуана, и ее глаза вспыхнули. – Если ты действительно хочешь его видеть, кариньо³, я все улажу. Ты увидишь, в Мексике есть много вещей, которые я могу для тебя сделать. А теперь я тебя оставляю. Я должна позаботиться о доме. Мы поселимся в нем завтра. А сегодня давай проведем вечер в «Президенте». Подожди меня там. Я присоединюсь к тебе во второй половине дня.

– Эй, подожди минутку, – произнес Кейд. – Ты действительно хочешь сказать, что можешь устроить для меня встречу с Диасом?

– Ну конечно. Я никогда ничего не говорю зря. – Она обняла его за шею и поцеловала в губы. – Я люблю тебя, кариньо. Позаботься о моем багаже.

С этими словами она исчезла.

Кейд посмотрел на Крила, глупо улыбавшегося своей шляпе. Поймав взгляд Кейда, тот заявил:

– Вам очень повезло, сеньор, что у вас такая красивая леди, которая способна сделать невозможное.

³ Дорогой (исп.).

– Да уж, – хмыкнул Кейд и, взяв сумку со своими вещами, направился туда, где его ждал багаж Хуаны.

Поскольку Кейд был простодушным и порядочным человеком, он не переставал удивляться своему непрерывному успеху и всегда благодарил за него небеса. Он часто вспоминал, какое волнующее впечатление произвела на него первая победа: в десятилетнем возрасте он выиграл приз в тысячу долларов за лучшую любительскую фотографию в конкурсе, организованном журналом «Уорлд». С тех пор все в жизни Кейда шло как по маслу. У него никогда не было серьезных болезней. У него всегда водились деньги. Он привык к хорошим автомобилям. Он никогда не был голоден. Он никогда не был несчастен и никогда не чувствовал себя одиноким: рядом всегда хватало красоток, готовых разделить с ним постель.

Возможно, поэтому внезапное появление Хуаны в его жизни не удивило Кейда так сильно, как могло бы удивить менее удачливого человека. Но это не значит, что Кейд не был немного ошеломлен и не оценил этот роскошный подарок богов.

Заказав в баре отеля «Президент» бокал горького чинзано со льдом и глядя на освещенный искусственный водопад, он пытался вспомнить события последних двенадцати часов.

Хуана представляла для Кейда загадку. Эта девушка призналась, что влюбилась в него с первого взгляда, едва увидев его у стойки ресепшен в «Хилтоне». Она навела справки и выяснила, кто он такой и в каком номере остановился. По словам Хуаны, для нее было простым и естественным решением поменять номер в отеле. Она была уверена, что тоже понравится Кейду, и поэтому поселилась в номере по соседству. До сих пор у них не было времени узнать друг друга получше, хотя Хуана, казалось, знала о Кейде гораздо больше, чем он о ней. Но и в этом не было ничего удивительного, ведь он знаменитость, публичная фигура. Их занятия любовью были такими страстными, их так влекло друг к другу. Такого Кейд не испытывал еще ни с одной женщиной. Она была одновременно нежной, распутной и умелой.

Думая о ней сейчас, Кейд с тревогой понял, что серьезно влюблен и что жизнь без Хуаны стала бы для него теперь совершенно невыносимой. Он никогда не испытывал таких чувств ни к одной другой женщине. Раньше Кейд всегда говорил себе, что нужно быть осторожным с женщинами и не попадаться на крючок. Теперь мысль о том, что он поселится с Хуаной в одном доме и будет наслаждаться ее обществом, наполняла Кейда жгучим волнением, которое несколько стихало лишь тогда, когда он вспоминал, как жестоко девушка обошлась с Мануэлем Барредой. Но в конце концов, успокаивал он себя, Барреде было шестьдесят пять. Как мог больной старик соответствовать ее энергичной, требовательной, страстной натуре? Кейд был уверен, вспоминая ее взгляд, поцелуи и объятия, что она влюблена в него так же сильно, как и он в нее, и говорил себе, что такая любовь не исчезает в одночасье.

Закончив с аперитивом, Кейд зашел в ресторан и пообедал в одиночестве, гадая, что она сейчас делает, каким окажется их дом, и скучая по ней. Затем он заставил себя подумать о корриде, назначенной на следующий день.

Крил обещал позвонить вечером, чтобы получить инструкции. У него была машина, которую он предоставил в распоряжение Кейда. Сам же Крил готов был выполнять обязанности гида и шофера Кейда.

Кейд объяснил, что собирается использовать во время корриды три камеры, а потому ему необходимо, чтобы Крил сидел рядом и подавал ту камеру, которая потребуется, чтобы он мог вести съемку нужным объективом. Крил ему нравился. Толстяк настолько стремился угодить, что невольно вызывал чувство симпатии. Именно Крил предложил купить большой букет гвоздик для Хуаны. И именно Крил сбегал за цветами и проинструктировал горничную, куда их поставить: для Хуаны и Кейда были сняты два смежных номера.

После обеда Кейд поднялся к себе в номер и лег на кровать. Он хорошо поел и был расслаблен. К тому же он изрядно устал. Вскоре он уснул.

Когда Кейд проснулся, было чуть больше семи, наступили сумерки. Он встал, чувствуя себя превосходно. Раздевшись, он принял душ, а когда вышел из ванной, зазвонил телефон.

Это была Хуана.

Кейд расслышал мужские голоса, громкий смех и гитарную музыку. Какой-то мужчина пел. Его фальцет заставил Кейда стиснуть зубы.

– Откуда ты звонишь? – спросил он подозрительно и обеспокоенно.

– Из кафе, – ответила Хуана. – Здесь так шумно, просто кошмар! Слушай, кариньо, Диас ждет тебя завтра в половине третьего. Он будет в гостинице «Отель де торо». Тебе это подойдет?

– Да, просто замечательно! Как тебе это удалось?

– Это Ренадо, мой очень хороший друг... Он менеджер всех тореро. Он очень польщен тем, что великий Кейд хочет сфотографировать одного из его подопечных. Теперь Диас тоже польщен... надутый индюк!

«Мой очень хороший друг... Что это могло значить?» – подумал Кейд.

– Замечательно! – повторил Кейд. – Но что ты делаешь в кафе, дорогая? Почему ты не со мной?

– Ренадо здесь. Я ухожу, но вернусь только в десять часов.

– Почему?

– Еще столько всего нужно устроить. У меня уже есть дом, но теперь я должна встретиться с агентом и заплатить аванс. Это займет какое-то время, потому что он жулик и мне придется с ним торговаться. Дом очень красивый. Тебе понравится. Мы сможем поехать туда завтра после корриды. Давай пойдем сегодня вечером в ресторан «Негруи»? Там очень вкусно кормят. Ты его знаешь?

– Нет, не знаю.

– Тогда ты получишь незабываемое впечатление. Закажешь столик? Я должна идти. Мне еще так много всего нужно сделать. Ты еще меня любишь?

– Если бы ты была здесь, я бы продемонстрировал силу своей любви, – проговорил Кейд. Хуана радостно засмеялась.

– Мне бы тоже этого очень хотелось. Адьос, кариньо, – произнесла она и повесила трубку.

Чуть позже позвонил Крил. Кейд рассказал ему о Диасе. Толстяк воскликнул, что это самая замечательная новость, какую он когда-либо слышал.

– Вы не знаете, сеньор, вы не представляете, как я пытался устроить эту встречу. Диас настоящий сукин сын. Леди правильно сделала, что обратилась к Ренадо. Он играет большую роль в организации коррид. Но к нему трудно найти подход. Должно быть, она очень хорошо его знает, если смогла убедить помочь вам.

Эти слова еще больше растрожили Кейда и его растущую ревность.

Крил пообещал позвонить Кейду в два часа и отвезти его в «Отель де торо».

В начале одиннадцатого Хуана вбежала в номер, где ее ждал Кейд.

Покрыв его лицо нежными и страстными поцелуями, Хуана прильнула к нему и замерла в такой позе, пока Кейд не начал ее обнимать. Затем, смеясь, она отстранилась и покачала головой:

– Нет-нет, кариньо. Я ужасно голодна, но не в том смысле. Мне хочется большого аппетитного стейка. Позже...

Кейд был поражен, насколько быстро Хуана приняла душ и переоделась. Еще не было и половины одиннадцатого, как она была готова.

Еда в ресторане «Негруи» была превосходной. Пока они ужинали, Хуана болтала. Теперь все было устроено. Дом идеален. Она внесла арендную плату за неделю. Они смогут жить там сколько угодно. Он доволен Диасом? Этот человек глуп: тщеславный индюк, не больше, но она

слышала, что он очень хорошо ладит с быками. Ренадо полон энтузиазма. Пришлось постараться, чтобы вселить в Ренадо энтузиазм. Он имел дело со многими прекрасными матадорами.

Наконец, когда Хуана остановилась, чтобы перевести дыхание, Кейд сказал:

– Крил говорит, к Ренадо трудно найти подход. Как тебе удалось его убедить?

Разрезая сливочный рулет, Хуана подняла на Кейда глаза и улыбнулась:

– Это хорошо. Ты немного ревнуешь. Мужчина должен ревновать женщину. Это доказывает, что он ее любит.

Кейд отодвинул тарелку.

– Не умничай... Лучше ответь на вопрос!

– Ты сердишься? – Она сверкнула глазами.

– Пока нет, но это вполне возможно.

– Мне нравятся мужчины, которые могут разозлиться. Это показывает характер. Что за мужчина без характера?

– Скажи, пожалуйста, как ты убедила такого человека, как Ренадо, оказать мне услугу? – спросил Кейд с едва сдерживаемым нетерпением.

– Что ж, тут нет никакой тайны. – Хуана закончила резать рулет на ломтики и удовлетворенно вздохнула. – Моим отцом был Томас Рока, один из величайших пикадоров⁴ на свете. Он начинал свою карьеру как новильеро⁵, в то время Ренадо пытался стать менеджером тореро. Мой отец нанял Ренадо вести свои дела. Благодаря известности моего отца Ренадо сделался таким богатым и могущественным, как сейчас. Поэтому вполне естественно, что он согласился помочь мне.

Кейд, расслабившись, дотронулся до ее руки:

– Что случилось с твоим отцом?

– Он стал слишком стар, чтобы быть пикадором. Теперь он владеет магазином в Таско. Продает серебро. В Таско много магазинов, торгующих серебром, но мой отец и в этом преуспел – такой уж это человек. У него суровый нрав, он зануда. Он всегда хотел иметь сына. Его можно понять, но это не оправдывает его отношения ко мне. Когда мне было пятнадцать, я сбежала. С тех пор я его не видела. И мою мать тоже. Она тоже суровая, скучная женщина.

– Сколько тебе лет? – спросил Кейд, лаская ее руку.

– Семнадцать.

– И вот уже два года ты живешь вдали от своей семьи?

– Да, независимость – хорошая вещь.

Кейд уставился на нее:

– Но как ты зарабатываешь на жизнь?

– Ты слишком любопытен, кариньо. – В ее глазах появилась тревога.

Кейд вздохнул, потом знаком подозвал официанта и попросил чек.

– Давай вернемся в отель. – Он улыбнулся Хуане. – Я тебя люблю.

Она тут же развеселилась.

– Встреча с тобой – лучшее, что когда-либо случилось в моей жизни, – призналась девушка.

– Да, и в моей тоже.

Они вышли из ресторана, взявшись за руки, и поехали в отель.

⁴ Пикадор – участник корриды, сидящий верхом на лошади и приводящий быка в ярость уколами пики.

⁵ Новильеро – матадор, сражающийся с молодыми быками.

Глава третья

Педро Диас был коренастым коротышкой. Его мускулистое тело, казалось, было создано из стали и бетона. Оно внушало ощущение мощи и жестокой силы. Черты лица Диаса были правильными. Он был красив мужественной красотой, высокомерен и необычайно смугл для мексиканца.

Когда Кейд вошел в большую безвкусную гостиную в номере Диаса, он увидел, что Диас стоит у открытого окна, мрачно глядя на стену находящейся на противоположной стороне дороги арены для корриды, явно позируя для вошедшего Кейда. С Диасом был Реджино Франоко, его оруженосец, который суетился, занятый четырьмя шпагами в ножнах и мулетами, разложенными на изъеденном молью диване.

Реджино Франоко, невысокий и худой юноша, отличался какой-то порочной красотой. Его взгляд был беспокойным и подозрительным, движения – преувеличенными, напоминающими жесты суетливой, невротичной женщины.

Крил предупредил о нем Кейда:

– Он помогает Диасу и хорош в своей работе, но он опасный сплетник. Диас его бог. Но между ними ничего нет: все знают, что Диас отъявленный бабник.

В кресле сидел, улыбаясь, мужчина, рослый, с огромным животом и длинными усами, куривший ароматную сигару. Это и был знаменитый Ренадо, менеджер тореро. Он встал с кресла, пожал Кейду руку и сказал, что горд и счастлив познакомиться с таким известным фотохудожником. На ломаном испанском Кейд ответил комплиментом на комплимент.

Затем Ренадо подвел Кейда к Диасу, который ждал у окна, как король, дарующий аудиенцию. Кейд хорошо научился ломать самые сложные барьеры, и уже через пять минут Диас расслабился и улыбнулся. Кейд понял, что этот человек падок на лесть, и беззастенчиво этим воспользовался.

Крил, ожидавший в дверях, распаковал снаряжение Кейда. Через несколько минут Кейд уже принялся за дело. Он всегда был готов потратить впустую много пленки. Кейд знал, что рано или поздно человек забудется, прекратит позировать и предстанет в истинном свете. Вот и теперь, без конца щелкая затвором фотоаппарата, он получил кадр, которого ждал.

Сперва Диас с удовольствием принялся позировать. Его идеи о том, как лучше всего показать себя, не представляли интереса для Кейда, но он соглашался со всем, что предлагал Диас. И вдруг Франоко, все это время наблюдавший за фотосессией с насмешливо-враждебным выражением лица, с каким неудачники переживают минуту славы своих более удачливых коллег, случайно коснулся прислоненных к стене шпаг, и те с грохотом попадали на пол. Диас повернулся к нему. Его лицо пылало яростью, он закричал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.